

Пётр Индурский

Воспоминания о Вадиме Ротенберге

Вадим Семенович Ротенберг – известный российско-израильский ученый-сомнолог и невролог.

Специалист в области психофизиологии сна, психофизиологии памяти, психофизиологии творчества, патогенеза неврозов, шизофрении, депрессии.

Создатель (в сотрудничестве с В. В. Аршавским) междисциплинарной концепции поисковой активности, содержащей оригинальное объяснение ряда когнитивных процессов.

Автор монографий: «Адаптивная функция сна: причины и проявления её нарушения» (1982), «Поисковая активность и адаптация» (1984, совместно с В. В. Аршавским), «„Образ Я“ и поведение» (2000), «Сновидения, гипноз и деятельность мозга» (2001), книги для учителя «Мозг. Обучение. Здоровье» (1989, совместно с С. М. Бондаренко).

Опубликовал книгу стихов «Стихи шестидесятых годов» (М.: АРГО-РИСК, 1996). Автор публицистических статей (например, «Зачем евреям Израиль, или Антисемитизм как проблема когнитивного диссонанса»^[3], «Психофизиология политической левизны»^[4]).

Умер в марте 2024 года^[5].

Так о нём написано в Википедии.

Вадим Ротенберг и Пётр Индурский

Вадим Ротенберг и Леонид Каюмов

Мне посчастливилось работать с ним в его лаборатории сна в психоневрологическом госпитале Абарбанель (г. Бат-Ям, Израиль) с 1995 по 1998 год. Познакомил меня с ним Леонид Каюмов, работавший с ним до меня. Леня также работал в Тель-Авивском университете, где у меня заканчивался контракт. Леня с семьей уезжал в Канаду, и оставлять Вадима Семеновича без помощника не хотел.

В день знакомства я заехал на машине за Леной и Вадимом Семёновичем, и мы направились в Иерусалим, где тогда проводилась конференция по сомнологии. Туда же

приехал знаменитый французский сомнолог Мишель Жуве. Было интересно наблюдать как в кулуарах конференции все время, как школьники на перемене, они (Ротенберг и Жуве) ходили вместе по залу и с большим интересом беседовали.

Я приступил к работе в лаборатории с 1 января 1995 года. Для исследований сна к нам врачи отделений направляли больных депрессией и шизофренией. Я проводил запись ночного сна пациентов на японском чернильно-пишущем энцефалографе Nihon Cohden Neurofax, а Вадим Семенович приходил утром и проводил стадирование сна. Я тогда практически не разбирался в анализе сна, но очень им интересовался, и Вадим Семенович охотно отвечал на мои вопросы.

В марте того же года Вадим Семенович предложил мне писать диссертацию по сну больных депрессией и шизофренией. Я в тот день сначала согласился, но на следующий день после моих ночных переживаний высказал ему свои сомнения: «Вадим Семенович, а вы уверены, что я смогу написать такую диссертацию? Да, в некоторых вопросах нейрофизиологии я разбираюсь (я работал долгое время в Институте ВНД и НФ), но психиатрия – это высший пилотаж!». На что он мне ответил: «Ну, если вы будете заниматься этим, то через полгода, надеюсь, поймёте, что к чему». Я подумал тогда: полгода не срок, пойму – хорошо, а не пойму – тоже хорошо, значит, не моё.

В августе того же года приехал в Израиль Кобрин Владимир Исаакович. Когда он узнал, что у меня нет ни медицинского, ни биологического образования, он также выразил свои сомнения и спросил, знает ли Вадим Семенович об этом? Разумеется, Ротенберг знал это. Через некоторое время он подъехал в гостиницу к Кобрину. Меня они попросили подождать в коридоре, и я понял, что решается моя научная судьба. После встречи и общения с Кобриным, я повёз Вадима Семеновича домой. В машине Вадим Семенович строго сказал мне: «Учтите, Петя, я за вас диссертацию писать не буду». Я с волнением ответил ему: «Вадим Семенович, я хочу, и буду писать эту диссертацию!.. Но без ваших консультаций я её точно не напишу». «Ну это моя обязанность вас консультировать», - ответил мне Ротенберг. На следующий день Владимир Исаакович, сообщил мне, что ждет в ноябре от меня обзор по теме диссертации...

Мне было очень интересно работать с Вадимом Семёновичем. Я обсуждал с ним наши записи и ситуации с нашими пациентами. В свободное время я искал статьи по теме в библиотеках госпиталя и Тель-Авивского университета и также обсуждал их с моим руководителем. Я также внимательно читал книги Ротенберга, особенно книгу «Адаптивная функция сна. Причины и проявления ее нарушения». Постепенно, наблюдая за пациентами и изучая полисомнографические записи, я стал отмечать сходства и различия специфики сна, архитектуры сна больных и здоровых людей, функции стадий сна. Однажды, когда мне, наконец, стал понятен подход Ротенберга, который сравнивал циклы и их фазовые события, я высказал ему, как я стал понимать различие между циклами и фазами сна в них. Он положил кулаки на стол, как это изображено на картине художника М.В.Нестерова «Портрет И.П.Павлова» и, задумавшись, сказал: «Петя, наконец-то вы поняли, что к чему».

Я многому научился у Вадима Семёновича. Так, например, я усвоил стадирование сна. После анализа стадий сна Ротенбергом он оставлял мне описание эпох, которые я заносил в таблицы и графики, я отслеживал его анализ, и однажды сам провёл стадирование записи, а затем сравнил с анализом Вадима Семёновича. Потом показал ему свою работу, на что он мне сказал, что я уже могу самостоятельно проводить анализ стадий сна.

Работа заключалась в выявлении соотношения объективных параметров сна и субъективных оценок сна больными и здоровыми людьми по Питтсбургскому тесту, а также дискриминантном определении влияния того или иного параметра сна или той или иной оценки сна на структуру сна. Я обратил внимание, что структура сна некоторых больных депрессией, которые сообщали о лучшем утреннем настроении по сравнению с вечерним, практически сходна со структурой сна здоровых людей. Я сообщил об этом факте Вадиму Семёновичу. Он сказал, что это интересно и будем писать об этом статью. В итоге получилась статья, в которой он поставил меня первым автором.

С больными депрессией мне становилась понятнее взаимосвязь объективных параметров сна с их оценками сна, их взаимообусловленная динамика. С анализом сна больных шизофренией такого понимания не наступало. Картина их сна представлялась

мне запутанной и не ясной. Более того, структура их сна почти не отличалась от структуры сна группы здоровых испытуемых. Этот момент вызывал у меня сомнения от предстоящей защиты, мне казалось, что никак не смогу объяснить, что происходит во сне больных шизофренией. Я поделился своими переживаниями с товарищем, который предложил мне на день съездить на юг Израиля, чтобы развеяться. Там необычайно красивые места, и мне на некоторое время удалось отвлечься от переживаний. По возвращению на работу я обратил внимание на численные симптомы

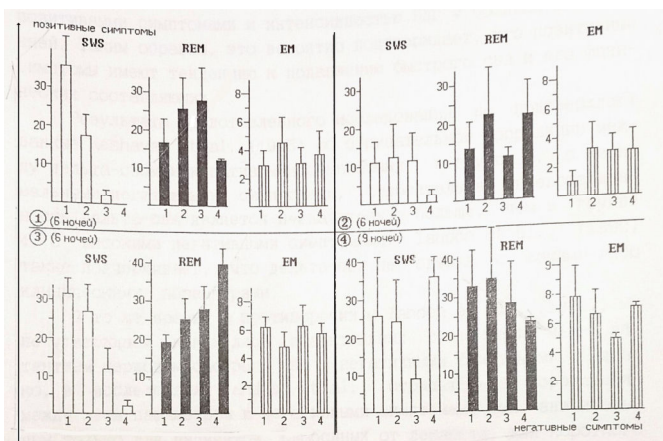

Рис. 34. Динамика стадий сна и интенсивности БЭП в циклах сна групп больных шизофренией, отличающихся по симптоматике.

(положительные и негативные), которые определяли врачи отделения для каждого больного. Я расположил эти значения в декартовых координатах, и стали очевидны группы со сходной структурой сна. Я показал эти результаты Вадиму Семёновичу, он сказал, что это интересная находка и что будем писать статью.

Вадим Семёнович – человек удивительный. Как-то мы были на международной конференции в городке Зихрон-Яков. Он там делал доклад на английском языке. В кулуарах к нему подошел молодой ученый из Германии, и они свободно стали общаться на немецком языке. «Вы и немецкий знаете?» - спросил я его после этого разговора. «Я немецкий знаю лучше английского» - ответил Вадим Семёнович – «Это

первый язык, который я учил. Затем был французский и потом лишь английский».

Однажды я решил познакомить Вадима Семёновича с моим отцом, который как-то приехал ко мне из Иерусалима. Он был ветераном Великой Отечественной войны, военнопленным немецких лагерей, из которых бежал 4 раза. О нем написали статью в русскоязычной израильской газете «Время». Когда Вадим Семёнович прочитал её, он сказал мне, что у моего папы в лагерях было достаточно мужества, и оно проявилось, как повышенная поисковая активность.

В мае 1997 года я приезжал в Москву на предзащиту, а в декабре того же года защищал диссертацию во 2-м медицинском институте им. Н.И.Пирогова. По возвращению из Москвы я отчитался Ротенбергу о защите, которую я записал на карманный магнитофон. После прослушивания Вадим Семёнович, улыбнувшись, сказал: «Петя, признайтесь, до этой работы вы не имели

никакого представления о сне?» Я ответил: « Это так, Вадим Семёнович, вы правы».

После защиты я уехал в Канаду в 1998 году, где посещал библиотеку Торонтского университета. В то время появилось много статей о транскраниальной магнитной стимуляции психических и неврологических больных в бодрствовании. Я искал применение этого метода во сне, но не находил. Я решил, что имеет смысл написать об этом в журнал «Medical Hypotheses». Поделился этой идеей с Вадимом Семёновичем. Поначалу он высказал свое сомнение о терапевтическом результате. Через некоторое время я прилетел из Канады в Израиль, чтобы встретиться с папой и Вадимом Семёновичем и обсудить с ним идею стимуляции во время ночного сна больных депрессией. Он опять высказал свои сомнения, но перед самым моим отъездом в Канаду позвонил мне и предложил встретиться в городе. На встрече он подарил мне обзорную статью о транскраниальной магнитной стимуляции и пожелал удачи. Я был очень рад, что Вадим Семенович все же поверил в мою идею.

Уже в Москве в 2002 году, когда я пришёл устраиваться на работу в НЕЙРОКОМ и рассказал Вячеславу Марковичу Шахнаровичу, кто я такой и откуда, он сказал мне: «Ну, для Вадика я всё сделаю, я возьму вас на работу». Я спросил его: «А кто такой Вадик?». «Вадим Ротенберг – мой сокурсник и мой хороший друг» - ответил он. Я был крайне поражен – «Это же надо! От одного друга я попал к другому!»

Вячеслав Шахнарович, Вадим Ротенберг и Пётр Индурский

Вадим Семёнович Ротенберг был чрезвычайно мудрым и сверхпорядочным человеком. А такие характеристики по отдельности не встречаются. Я очень счастлив, что мне повезло знать его и работать с ним.